

Лето двадцать третьего года Тяньси. В уезде Хуамэн провинции Гуандун упал дракон. Ростом — с человека, длиной — в несколько десятков чжанов. Он запутался в сетях, плоть его была разорвана, хребет не просматривался. Чиновники и простой народ толпами пошли поглазеть, но тут хлынул ливень, поднялись волны, унесли дракона в море, и след его простыл. — «Хроники уезда Хуамэн» [1]

В ту же зиму, в уезде Нинъян управы Хойчжоу.

Только что отбили пятую стражу. Небо ещё было серым, но на улице Абрикосового Пруда уже слышались людские голоса. Прислужник из ресторана «Девять вкусов» вынес несколько больших корзин со свежеприготовленными паровыми булочками и расставил прилавок для завтраков перед входом.

Ночной страж, ёжась от холода и потирая руки, подбежал трусцой и купил три булочки. Проглотив одну за два укуса и с трудом её прожевав, он подмигнул прислужнику:

— Эй? Приготовил?

— Приготовил, вот, — прислужник с убитым видом похлопал по стоявшей рядом с корзинами плетёнке с едой.

Ночной страж удивился:

— Неужели вправду приготовил? Вдруг он... эта штука сегодня не придёт?

Прислужник судорожно сглотнул и сухо ответил:

— Матушки-батюшки, лишь бы не пришёл.

«Девять вкусов» был в Нинъяне заведением известным. Шеф-повара звали «Лю Три Блюда» — поговаривали, мог пройтись по свету, имея в запасе лишь три фирменных кушанья: тушёное мясо с персиковой смолой, курицу в глиняном горшке да цивету с грушей. Мясо — только свиная грудинка без шкуры, курица — дикая, с гор, откормленная как надо, цивета — исключительно по снегу.

На эти три блюда в «Девяти вкусах» ломились каждый день, дела шли хорошо. Но Лю Три Блюда был гордец — готовил лишь по десять порций в сутки, ни каплей больше, так что желающим приходилось являться пораньше.

Однако являться в пятую стражу за сытным кушаньем — это, должно быть, с головой не в порядке.

Сей страждущий приходил уже два дня кряду.

В первый день он встал перед прислужником, выпалил три названия и больше не издал ни звука. Совсем. В зимнюю стужу, когда от любого дыхания изо рта валит пар, перед его лицом воздух оставался кристально чистым, ни намёка на дымку. На второй день запросы умножились: курицу в глиняном горшке подавать не в горшке, без бадьяна и фенхеля, цивету с грушей — без груши...

Такие требования вовсе не походили на то, что заказывает нормальный едок, скорее уж на попытку подпортить репутацию.

Однако прислужник не только не вышвырнул сего подозрительного гостя, но и два дня дрожа ему прислуживал, а сегодня и вовсе заранее припас плетёнку.

Он глянул на небо, затрясся и, вытянув шею, словно тощая курица, спросил ночного стража:

— Час-то подходит... Поч... почему ты не трясе́шься?

— Я что, по ночам не бегаю, что ли? Чего мне трястись? — Ночной страж понизил голос. — К тому же, год выдался беспокойный. Чему ни удивись — всему диву дивному. Слышал, что в шестом месяце в Гуандуне истинного дракона видели? На берегу лежал, поговаривают, кости-жилы кто-то повывёргивал! Драконьи жилы! Что за знак такой? А пару месяцев назад ещё слух носился, будто Императорский наставник чуть не помер...

Ночной страж не договорил, как прислужник, будто с последним издыханием, пополз под прилавок:

— Идёт, идёт, о... он и вправду опять пришёл...

Не успел он вымолвить, как перед прилавком возник человек, с виду — учёный книжник.

Лицо у него было заурядное, с печатью глубокой усталости, а по щекам разливался неестественный румянец, будто от долгого сидения у жаровни. На нём был серо-синий халат, а сам он худой, и халат на нём болтался, словно тряпка на ветке, того и гляди — ветром сдует.

Ночной страж при свете белого бумажного фонаря долго вглядывался в лицо книжника, так что последний кусок булочки во рту успел остыть, а он и не заметил.

Книжник что-то буркнул себе под нос, словно бормоча: «Пришёл», — и лишь затем медленно поднял голову. Чёрные зрачки его замерли, уставившись на прислужника, отчего стало жутковато.

Прислужник тут же сжал бёдра, почувяв, что вот-вот описается.

— Потрудитесь, тушёное мясо с персиковой смолой... — Звучал голос книжника вполне приятно, не то что бормотанье, — подобно журчанью воды меж бамбуков. Только вот с лицом и губами он не совпадал ни капли, отчего казался... ещё жутче.

Прислужник, избегая взгляда, затрясёнными руками поднял плетёнку:

— Вс... всё готово, в фарфоровой посуде, без груши, бадьяна и фенхеля, только с огня, ещё пылает.

Книжника, кажется, это озадачило. Он посмотрел на плетёнку, выдержал паузу и наконец медленно кивнул:

— Потрудились.

Голос его стал чуть хриплее, нежели в предыдущей фразе.

Плетёнка, видимо, оказалась для него тяжеловата, словно ветку отяготили гирей. Уходил он куда медленнее, чем пришёл, и лишь спустя время несколько отдалился.

Ночной страж вздрогнул и очнулся.

Прислужник, белый как полотно, прошептал:

— Ну что, видел? Это лицо... Эй, ты куда так опрометью?

Ночной страж:

— По нужде.

Прислужник: «...»

Однако ночной страж не успел далеко уйти, как вернулся, таща медный гонг и колотушку.

Прислужник и рот раскрыть не успел, как ночной страж хлопнул его по плечу и, подмигнув, указал куда-то вдаль:

— Глянь-ка туда!

На противоположной стороне улицы, из ночного мрака бесшумно возникла белая фигура.

Прислужник, только что переживший испуг, едва не подкосился, решив, что снова нечисть явилась. К счастью, присмотрелся — и понял, что это монах. Одет он был в просторные монашеские одеяния белого цвета, широкие в рукавах. С головы до пят — ни пятнышка, ни оттенка, словно в погребальном одеянии, что на рассвете смотрелось крайне зловеще.

Прислужник не понял:

— Вижу, монах и монах.

Ночной страж прошептал:

— Я мимо проходил, мельком глянул — на поясе у него монеты Пяти Императоров висят!

Монеты Пяти Императоров отгоняют зло, рассеивают скверну, охраняют дом. Ходят слухи, что нынешний Императорский наставник любит их использовать, всегда с связкой на поясе. С тех пор эти монеты и стали излюбленным орудием всяких, кормящихся с нечистой силы. Хоть и полно среди них шарлатанов, но большинство всё же с умением.

Прислужник издали окинул монаха взглядом и почувствовал в нём некую необъяснимую статность. Одним словом, на шарлатана точно не походил. Да и какая теперь разница — три дня были пределом. Явись этот книжник завтра снова, он, прислужник, точно на месте опростоволосится.

Монах шагал неспешно, но быстро приблизился и уже было прошёл мимо прилавка, как прислужник окликнул его:

— Мастер, постойте!

Монах замер, полы его белого одеяния колыхнулись, но пылинки не подняли. Он бросил на прислужника взгляд — безразличный, без тепла, холоднее ледяного ветра в лицо. Лишь теперь, вблизи, прислужник разглядел, что монах был высокого роста, так что взгляд его падал сверху вниз, отчего прислужник невольно отпрянул на полшага — и столкнулся с ночным стражем, отпрянувшем ровно так же.

Столкновение вернуло прислужнику храбрость. Он, словно решившись на отчаянный шаг,

снова заговорил:

— Вижу, у вас на поясе монеты Пяти Императоров висят... Не владеете ли искусством изгнания нечисти?

Монах без выражения взглянул на выглядывавшие из-за одеяния медяки, не подтвердил и не отрицал.

Прислужник смущённо покосился на ночного стража, чувствуя, что этот монах холоднее зимней вьюги, так что он и говорить разучился.

Ночной страж, покрепче на холод, выручил его. В двух словах описал гостя, похожего на книжника, и добавил:

— Лицо это мы не то чтобы знали хорошо, но и не спутаем — это сын лекаря, старого Цзяна. Но... но три года назад лекарьский зал семьи Цзяна сгорел! Кроме дочери, что в Аньцин замуж вышла, никто не спасся, все в огне погибли! Говорят, в пятую стражу и духи слоняются. Покойник три дня рядом является, да ещё и в пятую стражу, — неужто не страшно?!

Монах взглянул на небо и наконец, словно золотых слов стоило, изрёк два слова:

— Где он?

Услышав это, прислужник мгновенно оттаял. Он ткнул пальцем в дальний поворот стены:

— Только что ушёл! Возможно, ещё не зашёл! Я знаю, где развалины лекарьского зала семьи Цзяна. Мастер, я... я вас провожу?

Однако вскоре прислужник горько пожалел о своей прыти: на что он, спрашивается, пустился? Нашёл с кем в такую стужу тащиться — с ходячей ледышкой. Ему почудилось, что за эти несколько переулков он полжизни прожил. Он украдкой поглядывал на молодого монаха, но так и не решился ни о чём спросить, запомнив лишь родинку у него на шее.

Едва прислужник не околел окончательно, они наконец добрались до поворота в переулок за лекарьским залом семьи Цзян.

<http://bllate.org/book/16289/1467720>